

Это всегда «или»?

И никогда — «и»?

СТИВЕН СОНДХАЙМ,
МЮЗИКЛ «ЧЕМ ДАЛЬШЕ В ЛЕС»

Я противоречу себе?

Ну что ж, значит, противоречу себе.

(Я широк, я вмещаю толпы разных людей.)

УОЛТ УИТМЕН, «ПЕСНЬ О СЕБЕ»

Содержание

Часть I

Когда-то давным-давно родился Клод	11
Одно свидание	26
Ординатура	32
Сказка на ночь	48
Что они говорили врачам	54
Потеряшки	64
Воздушные течения и другие ветры	84
Хеллоуин	97
Может быть	107
Помешательство	123
Права на именование	143
Толчок	152
Пинок	165
Картография	177

Часть II

Одна вещь	187
Соседствующие принцессы-соперницы	194
Все — это кто?	211
Стратегическая нагота	221

Кабинки	233
Пятьдесят на пятьдесят	242
Annus Mirabilis	253
Профилактическая злость	264
Трансформация	276
Восстание «красного Ру»	288
Костер	300
Враги живых изгородей	304
Кто знает?	320
Воспитание в темноте	322
Я никто! А кто ты?	335
Вагина-шопинг	347

Часть III

Места у выхода	365
Там	373
Неоднозначная помощь	382
Послушник	400
Костоправы	411
Устная традиция	420
Под штанами	433
Цвет понедельника	441
Концовка	452

Часть IV

Долго... ..	465
...И счастливо	471
<i>Авторское примечание</i>	489
<i>Благодарности</i>	493

Часть
I

Когда-то давным-давно родился Клод

Но еще раньше родился Ру — Рузвельт Уолш-Адамс. Писать было решено через дефис — из всех обычных соображений (и вопреки им). Но главным образом ради того, чтобы дедушкино имя, полученное первенцем, не звучало так по-президентски: это казалось родителям слишком большой ответственностью для весившего ровно 2 килограмма 700 граммов новехонького крохотного человечка. Итак, вначале родился Ру, весь розовый, липкий, громкий и чудесный. Потом родился Бен. Потом они обсуждали, и рассуждали, и спорили, и решили «ну еще только один разок», и таким образом получили близнецов — Ригеля и Ориона, — которые, несомненно, должны были взбунтоваться против своих имен, когда доросли до четырех годов. Особенно после того, как Ригель узнал, что его назвали в честь левой ноги созвездия братика, но в тот момент они были слишком малы и крикливы, чтобы это их заботило. Такой скачок — было два, а стало четыре — ощущался поистине астрономическим, потому-то родители и обратили взоры к небесам.

Вот почему Розы Уолш, несмотря на то что была дамой весьма ученой, адептом логики и здравого смысла, лично-стью, прочно утвердившейся в правой половине правого по-

лушария собственного мозга, посвятила пятнадцать минут, непосредственно предшествовавших зарождению Клода, перетаскиванию супружеской кровати с ее законного места у стены на середину комнаты, дабы она была ориентирована с востока на запад, а не с севера на юг. Талмуд, как сообщила ей матушка, совершенно недвусмысленно указывал, что много сынов родится у мужа, чье ложе смотрит на север, и, хотя Роза искренне в этом сомневалась, равно как и в большинстве рекомендаций Талмуда, не могла не воспользоваться шансом. Также молча подала мужу на обед лосося и (пусть они и были взрослыми людьми) печенье с шоколадными кусочками, ибо немецкий фольклор предписывал красное мясо и соленые закуски мужчинам, нуждающимся в наследниках, и занятия сексом днем тем, кому желанны дочери. Тот же фольклорный веб-сайт рекомендовал класть деревянную ложку под кровать, чтобы зачать девочку, и она послушалась. Однако почувствовала себя идиоткой и швырнула ее на трюмо, подумав, что Пенн станет насмешничать — и по праву, — если увидит, и поэтому сунула ложку в единственное место, оказавшееся под рукой, — под кровать. Не повредит.

Источники, сомнительные и еще более сомнительные, также рекомендовали миссионерскую позу, и вот этой рекомендации она последовала с радостью. Данная поза, насколько она могла судить, была как ванильное мороженое: вроде бы полагалось быть скучной и выбираемой лишь бесстрастными, лишенными воображения и физических сил людьми, но на самом деле была лучшей. Ей нравилось смотреть в лицо Пенну, когда оно было так близко, что рассыпалось на фрагменты, точно картина художника-модерниста. Нравилось, когда вся длина передней части его тела прижималась ко всей ее длине. Роза казалось, что люди, которым необходимо делать это вверх тормашками и задом наперед — как

и те, кто добавляет в свое мороженое карамелизированный бекон, или копченую морскую соль, или кусочки сырого печенья, — наверное, компенсируют изначально посредственное качество продукта.

Сомнительные источники также рекомендовали женщине воздерживаться от оргазма. Но во всем надо знать меру.

Когда-то давным-давно доктор Розалинд Уолш и ее муж занимались сексом, который начинался спонтанно и неконтролируемо, сексом, который сам напрашивался, сексом, которым они занимались по любой из широкого ряда причин, но еще и потому, что у них на самом деле не было выбора. Теперь, с четырьмя сыновьями и двумя работами, секс стал лучше, но перестал быть таким неотвратимым. Или более предотвратимым? Во всяком случае, предшествовало ему некоторое планирование и разговор, а не срывание одежды и впечатывание в стены. Роза на этой неделе выходила на работу в больнице в ночную смену. Пенн работал дома. Они пообедали, а потом он искал информацию для своей книги, пока она была на тренировке, а потом Роза добыла ложку, перетащила кровать в центр комнаты и сняла с себя всю одежду.

Пенн сел на край кровати, все еще в очках для чтения, все еще держа в одной руке маркер, а в другой — статью о дефиците продовольствия во время Второй мировой войны.

— Последнее, чего я хочу, — это отговаривать тебя от того, что вот-вот случится, — он отложил статью, снял сперва очки, потом одежду и забрался в постель, к ней. — Но ты же понимаешь, что именно так мы изначально вляпались в это безобразие.

— Пытаясь сделать девочку?

Да-да. «На этот раз наверняка будет девочка», — именно так они и уговорили себя попробовать снова после Бена.

— Обнажаясь среди бела дня, — сказал Пенн.

— А что за безобразия? — улыбнулась она.

— Ты на этой неделе заглядывала в игровую комнату?

— Я вообще туда не заглядываю.

— Безобразия — это слишком мягко сказано. «Безобразия» передает уровень катастрофы, но не степень опасности. Будь игровая аэропортом, уровень опасности в ней был бы красным.

— Всегда, — отозвалась она, целуя сперва его рот, потом шею, потом снова рот.

— Всегда, — согласился он, невнятно из-за ее языка.

Вскоре после этого, хоть и не слишком скоро, случился Клод — так, как случаются подобные вещи, правда никто из троих в то время не был в курсе. Роза всегда думала, что для эволюции человека было бы полезным приобретением, если бы женщина научилась чувствовать, как сперматозоид проникает в яйцеклетку. Тогда была бы возможность перестать пить вино и есть суши и вкусный сыр примерно на месяц раньше, чем сообразила сделать это в действительности. Ведь такая важная часть жизни — зачатие, а проходит мимо! Кроме того, когда-то давным-давно за сексом следовала сладкая дрема в общей кучке с переплетением все еще подрагивающих ног, или глубокое, осмысленное философствование далеко за полночь, или — иногда — еще секс. Теперь же Пенн подхватил с тумбочки статью о дефиците продовольствия и дал себе семь минут на ее прочтение голышом, привалившись к изголовью, прежде чем спуститься вниз и следующие тридцать пять минут готовить ужин, а потом ехать в детский сад, чтобы забрать Ригеля и Ориона. Роза оделась, приготовилась к работе и направилась к автобусной остановке, встречать Ру и Бена. И все это время Клод тихонько трудился над своим становлением, вначале собравшись во-

едино, а потом еще много грядущих дней, недель и месяцев делясь, и делясь, и снова делясь.

Вот что всегда говорили Розы: «Вы, верно, католичка?» — хоть и без повышения тона в конце, как люди делают, когда на самом деле задают вопрос. Или еще, вроде как в шутку: «Ты знаешь, есть способы предотвращать такого рода вещи». И еще: «Лучше ты, чем я», — хотя этого говорить-то не стоило, и так все было очевидно. Или: «Это что, все ваши?» Все были ее. Одна мамаша после родительского собрания годом раньше отвела Розы в сторону, чтобы шепотом посоветовать не прикреплять презервативы кнопками к фанерной доске рядом с кроватью, каким бы удобным решением для хранения это ни казалось, — урок, как призналась она, кивая в сторону первоклассника в углу, слизывавшего с пальцев пасту, ей пришлось усвоить на собственном горьком опыте. Создание семьи виделось Розы процессом настолько же интимным, насколько и обычный старт самого процесса, и настолько же неуместным для обсуждения — не говоря об открытом осуждении — в случайных разговорах с шапочными знакомыми. Но именно это с ней и случалось, как правило, по нескольку раз в неделю. Именно это происходило на автобусной остановке, пока она дожидалась Ру и Бена, а половинка почти-Клода лихорадочно спешила к другой половинке.

— Не понимаю, как вы это делаете!

Хизер. Соседка. Еще один вариант того, что всегда говорили люди, маскируя критику под комплимент.

Розы рассмеялась. Фальшивым смехом.

— Ну-ну. Все ты понимаешь.

— Нет, я серьезно, — хотя ничего серьезного на самом деле не было. — Я имею в виду, как я понимаю, у Пенна нет работы. А у тебя есть.